

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ, СВОЙСТВАХ И ФОРМАХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫМ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ

О. А. Ряполова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена сущности злоупотребления правом и формам его выражения. Автор анализирует связь злоупотребления правом с осуществлением и защитой гражданских прав, формулирует собственное определение злоупотребления правом, определяет свойства этого правового явления. Также в статье рассматриваются формы злоупотребления правом на примере реальных дел из судебной практики. Автором исследованы позиции ученых, касающиеся определения злоупотребления правом, его признаков и форм, а также необходимости запрета такой формы поведения, изложены аргументы в поддержку и в опровержение указанных позиций. Автор приходит к выводу, что понятие злоупотребления правом нуждается в четкой регламентации, и предлагает закрепить дефиницию злоупотребления правом и квалифицирующие признаки этого явления в целом, а также дефиниции и квалифицирующие признаки форм злоупотребления правом.

Ключевые слова: осуществление права, защита права, злоупотребление правом, шикана, обход закона, законодательство о конкуренции.

Категория злоупотребления правом, являющаяся предметом научных дискуссий на протяжении многих лет, вновь стала активно обсуждаться цивилистами в связи с реализацией Концепции совершенствования гражданского законодательства.

Рассматриваемое явление неразрывно связано с осуществлением гражданских прав. Согласно ст. 9 Гражданского кодекса РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права», то есть все вопросы, связанные с использованием субъективных прав, решаются управомоченными лицами по их усмотрению.

Однако необходимо учитывать два аспекта. Во-первых, некоторые субъективные права одновременно выступают в качестве юридических обязанностей (например, обязанность опекуна совершать сделки, если того требуют интересы опекаемого). Следовательно, реализация некоторых субъективных прав не может зависеть единственно от воли управомоченного лица и диктуется также предписаниями закона.

Во-вторых, конкретность субъективных гражданских прав, которыми обладают граждане и юридические лица. Поэтому вопрос о потенциальных правах должен рассматри-

ваться с учетом того, что «сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом» (п. 3 ст. 22 ГК РФ).

Под осуществлением права принято понимать реализацию возможностей, которые предоставляются законом или договором обладателю субъективного права, иными словами, использование той юридической свободы, которая гарантируется субъекту государством [1, с. 154].

Субъективные гражданские права могут осуществляться любыми дозволенными законодательством способами. При осуществлении субъективных прав должны соблюдаться определенные требования. Содержание их различается в зависимости от характера конкретных субъективных прав. При этом законодательством предусмотрен ряд общих требований, которые следует рассматривать в качестве общих границ, или пределов, осуществления любых субъективных прав. Пределам осуществления права посвящена ст. 10 ГК РФ, однако, думается, даже с учетом изменений, внесенных Федеральным законом № 302-ФЗ от 30 декабря 2012 г. «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», она недос-

таточно исчерпывающе характеризует данную категорию. В частности, необходимо законодательно закрепить дефиницию злоупотребления правом, а также конкретизировать понятие пределов осуществления гражданских прав.

Видится верным определять эту категорию как форму поведения управомоченного субъекта, при которой данный субъект действует в пределах принадлежащего ему права с целью причинения вреда или получения необоснованных преимуществ перед иными субъектами.

Хотелось бы акцентировать внимание на признаках злоупотребления правом. Во-первых, злоупотребление правом – это не правомерное поведение, но и не правонарушение, а особая форма поведения. Во-вторых, субъект действует формально в пределах принадлежащего ему права. В-третьих, нормы о злоупотреблении правом относятся к императивным нормам охранительного воздействия. Значение охранительных норм состоит в том, что защита нарушенного или оспоренного гражданского права, а также реализация мер гражданско-правовой ответственности происходят в рамках новых правоотношений, не существовавших до нарушения регулятивной нормы. И если охранительное воздействие норм о злоупотреблении правом не ставится под сомнение, то нет однозначности в решении вопроса о том, к каким мерам относится запрет злоупотребления правом: мерам ответственности или мерам защиты гражданских прав [3, с. 29–30]. В-четвертых, злоупотребление правом подразумевает, что действия субъекта влекут ущерб для иных субъектов правоотношений или получение необоснованного преимущества управомоченным субъектом.

Можно выделить следующие формы злоупотребления правом.

1. Шикана – совершение действий исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Этот вид злоупотребления правом является наиболее древним. Именно с шиканой боролись древнеримские юристы, и именно ее запрещало более позднее европейское законодательство.

2. Применение незаконных средств реализации права.

3. Применение незаконных средств защиты права.

4. Нарушение законодательства о конкуренции.

5. Обход закона.

Последние четыре пункта иллюстрируют стремление к получению необоснованных преимуществ перед иными субъектами правоотношений. При этом формы злоупотребления правом не выделяются по какому-либо одному критерию и не являются взаимоисключающими.

Представляет интерес пример злоупотребления правом, который приводит В. С. Ем: «Близкие родственники по предварительной договоренности могут действием, совершенным в форме договора дарения, прикрыть фактическую куплю-продажу части дома, находящегося в общей долевой собственности, с целью обхода права преимущественной покупки, принадлежащего сосособственнику, с которым продавец (якобы даритель) находится в неприязненных отношениях» [2, с. 182]. В приведенной ситуации налицо применение незаконных средств реализации права, которое в данном случае является еще и обходом закона.

Одним из распространенных примеров злоупотребления правом в форме обхода закона является попытка признания права собственности на самовольную постройку в обход установленного порядка признания права собственности на объекты недвижимости [6, с. 89–90]. На практике возникает множество проблем, связанных со сносом самовольных построек. При их решении ключевым являются определение правовой природы требования о признании права собственности на самовольную постройку, и определение условий удовлетворения иска [5, с. 89–92].

Информационное письмо ВАС № 127 от 25 ноября 2008 г. «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» содержит следующий пример злоупотребления правом: гражданин А., являвшийся генеральным директором акционерного общества, обратился в арбитражный суд с иском к акционерному обществу о признании недействительным решения совета директоров общества, которым были досрочно прекращены его полномочия и избран новый генеральный директор.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковое требование удовлетворено ввиду следующего.

Как следовало из материалов дела, уставом общества предусмотрено: решения совета

директоров по вопросам назначения и досрочного прекращения полномочий генерального директора общества принимаются не менее чем пятью голосами при обязательном присутствии на заседании всех членов совета директоров. Количественный состав совета директоров уставом общества определен в семь членов.

Оспариваемое решение принято на заседании совета директоров, в котором участвовало шесть его членов. Несмотря на то, что все присутствовавшие в заседании проголосовали за принятие упомянутого решения, оно тем не менее не могло быть принято, так как вопреки требованиям устава общества на заседании присутствовали не все члены совета директоров. При таких обстоятельствах оспариваемое решение совета директоров является незаконным как принятое с нарушениями требований, содержащихся в уставе общества.

Положение устава общества, согласно которому решения совета директоров по вопросам назначения генерального директора и досрочного прекращения его полномочий принимаются при обязательном присутствии всех членов совета директоров, само по себе законодательству не противоречит. Однако в рассматриваемом случае в заседании совета директоров не принял участие сам истец, который, будучи генеральным директором общества, являлся также членом совета директоров.

Судом было установлено, что истец был надлежащим образом извещен о месте и времени проведения заседания совета директоров, а также о его повестке дня, при этом им не оспаривалось отсутствие уважительных причин неучастия в заседании.

Таким образом, истец, являясь лицом, напрямую заинтересованным в непринятии советом директоров решения по вопросу о досрочном прекращении своих собственных полномочий как генерального директора, воспользовался указанным положением устава общества для того, чтобы посредством неявки в заседание совета директоров заблокировать принятие данного решения.

В данном случае налицо попытка применения недозволенного средства реализации права, а впоследствии и применение недозволенного средства защиты права. Суд кассационной инстанции признал действия истца злоупотреблением правом на оспаривание решения совета директоров, поскольку нарушение

устава общества при принятии оспариваемого решения вызвано недобросовестными действиями самого истца (неучастием без уважительных причин в работе совета директоров).

Стоит обратить внимание на нарушение законодательства о конкуренции как форму злоупотребления правом. Практика показывает, что с развитием торговых отношений случаев таких нарушений меньше не становится. Подтверждение тому – еще один случай, описанный в Обзоре практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ: японская компания «Акай Электрик Ко Лтд» обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения Палаты по патентным спорам, утвержденного руководителем Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, об отказе в удовлетворении возражений против предоставления правовой охраны на территории России словесному товарному знаку «АКАИ», зарегистрированному на гонконгскую компанию «Акай Юниверсал Индастриз Лтд».

По мнению японской компании, такая регистрация нарушает ее права на фирменное наименование и зарегистрированный ранее на ее имя товарный знак, вводит потребителя в заблуждение относительно производителя товара вследствие известности на территории Российской Федерации именно японской компании как производителя электронной техники. При этом гонконгская компания не имеет никакого отношения к японской компании, создана лишь в 2002 году и, по мнению заявителя, сознательно в своей деятельности проводит аналогии и вызывает ассоциации с японской компанией – прежним владельцем товарного знака.

Оспариваемым решением Роспатента отказано в удовлетворении возражений против регистрации товарного знака по мотиву отсутствия доказательств, свидетельствующих о том, что обозначение «АКАИ» до даты приоритета (22 февраля 2002 г.) оспариваемого товарного знака приобрело известность среди потребителей как обозначение, используемое японской компанией в своей хозяйственной деятельности в Российской Федерации, в связи с чем вызывает устойчивую ассоциацию именно с данной компанией. Кроме того, Роспатент счел, что обозначение «АКАИ» само по себе не содержит ложных или способных ввести в заблуждение сведений, указывающих на

товар или место его производства, поскольку не является значимым словом какого-либо языка.

Отказывая в удовлетворении требования о признании недействительным решения Роспатента, суды исходили из необоснованности доводов японской компании о том, что она обладает исключительным правом на товарный знак в виде словесного обозначения «АКАИ» и хорошо известна потребителю на территории Российской Федерации. Суды также пришли к выводу: наличие в фирменном наименовании японской компании слов «компания «АКАИ» не является основанием для отказа гонконгской компании в регистрации спорного товарного знака.

Доводы японской компании о том, что она была образована в 1929 году, произвела такие же товары, действовала на территории Российской Федерации, являлась официальным поставщиком Олимпийских игр в Москве, официальным спонсором футбольного клуба «Спартак», с 1972 по 2001 год – правообладателем товарного знака со словесным обозначением «АКАИ» (перечисленное доказывает факт известности фирменного наименования (его части) этой компании на территории Российской Федерации), отвергнуты судами со ссылкой на то, что известность на территории Российской Федерации приобрели гонконгская компания и обозначение «АКАИ» – часть именно ее фирменного наименования.

Президиум ВАС РФ рассмотрел данное дело в порядке надзора и отменил названные судебные акты, указав: японская компания получила право на фирменное наименование, в том числе на его часть («АКАИ»), 15 июля 1929 г. – задолго до регистрации другого юридического лица со схожим элементом в наименовании (23 января 2002 г.) и подачи им заявки на регистрацию спорного товарного знака (22 февраля 2002 г.). Довод судов о том, что за один месяц (с даты регистрации гонконгской компании в качестве юридического лица до даты подачи ею заявки) потребители стали связывать обозначение «АКАИ» именно с гонконгской компанией, не может быть принят во внимание. Кроме того, факт известности именно японской компании подтверждается и самой гонконгской компанией, которая построила рекламную кампанию по продвижению своего товарного знака именно на известности первой, проводя ее под лозунгом «Akai – Возвращение легенды», поддерживая тем самым у потребителей впечатле-

ние, что гонконгская компания является представителем японской компании. Таким образом, лицо, зарегистрировавшее спорный товарный знак, выдает себя за бывшего правообладателя тождественного товарного знака с целью приобретения конкурентных преимуществ за счет известности обозначения последнего.

Данные факты свидетельствуют также о том, что регистрация товарного знака на имя гонконгской компании вводит потребителей в заблуждение, а это противоречит требованиям статьи 10 bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности, согласно которой актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах. В частности, подлежат запрету все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов, промышленной или торговой деятельности конкурента, а также ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности предприятия.

При названных обстоятельствах действия гонконгской компании по приобретению исключительного права на товарный знак «АКАИ» являлись актом недобросовестной конкуренции и злоупотреблением правом.

Возвращаясь к необходимости конкретизации категории злоупотребления правом, следует упомянуть типичный случай неоправданного применения судами ст. 10 ГК РФ. Связан он с ситуацией, когда суды квалифицируют как злоупотребление правом действия истца, требующего оплаты товара, цена которого определена в иностранной валюте, если на момент предъявления иска курс соответствующей валюты по отношению к российскому рублю значительно вырос.

Безусловно, случается, что в период между заключением и исполнением договора происходят непредвиденные изменения внешних факторов, нарушающие баланс имущественных интересов сторон. Однако, как справедливо отмечает В. М. Пашин [4, с. 36], на этот случай в гражданском законодательстве существует специальное средство – изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Условия для применения данного средства предусмотрены ст. 451 ГК РФ.

Имела место следующая ситуация, изложенная в Обзоре практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ: акционер об-

ратился в арбитражный суд с иском к акционерному коммерческому банку о признании недействительным решения наблюдательного совета банка в части отказа истцу в созыве внеочередного общего собрания акционеров банка.

Суд отказал в удовлетворении искового требования. Как следовало из материалов дела, до предъявления требования о созыве внеочередного общего собрания акционеров банка, по которому наблюдательным советом принято оспариваемое решение, истец в порядке, предусмотренном ст. 55 Федерального закона «Об акционерных обществах», трижды выступал с инициативой о созыве внеочередного общего собрания акционеров банка в очной форме. В качестве повестки дня инициированных внеочередных общих собраний истцом предлагался один и тот же вопрос: о внесении изменений в положение о наблюдательном совете банка. Предложения истца были удовлетворены, проведено три внеочередных общих собрания акционеров банка.

В соответствии с абз. 1 п. 1 и п. 2 ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. В случае несоблюдения данного требования закона суд может отказать лицу в защите права.

По мнению суда, истец, предъявляя указанное требование, действовал с намерением причинить вред банку. Протоколы об итогах голосования свидетельствуют, что при голосовании по предложенному истцом вопросу повестки дня против внесения изменений в положение о наблюдательном совете на первом, втором и третьем инициированных истцом собраниях выступило соответственно 86,9 %, 87,4 % и 87,7 % акционеров – владельцев голосующих акций, принимавших участие в собрании. При этом расходы на организацию, подготовку и проведение собраний легли на ответчика.

Эта ситуация представляет собой наглядный пример старейшей формы злоупотребления правом – шиканы.

Ряполова Ольга Андреевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: ryapolovaoa@gmail.com.

В. М. Пашин считает целесообразным законодательный запрет шиканы. Причем он обращает внимание на то, что в определении данной категории необходимо делать акцент не столько на намерение одного лица причинить вред другому лицу, сколько на отсутствие у злоупотребляющего правом лица собственных позитивных интересов. Указанный ученый также полагает, что использование термина «злоупотребление правом» в норме является неоправданным.

Подобный подход не видится оптимальным. Представляется, что не нужно сужать достаточно обширную категорию злоупотребления правом до шиканы, искажая при этом изначальное понимание последней. Следует, напротив, углубить и раскрыть понятие злоупотребления правом для однозначного и адекватного применения данной категории в судебной практике. Для этого необходимо законодательно закрепить дефиницию злоупотребления правом и квалифицирующие признаки этого явления в целом, а также дефиниции и квалифицирующие признаки форм злоупотребления правом.

Литература

1. Гражданское право: в 3 т. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – М.: Проспект, 2005. – Т. 1. – 765 с.
2. Гражданское право: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. – М., 2007. – Т. 1. 290 с.
3. Новоселова, А. А. Вещные иски: проблемы теории и практики / А. А. Новоселова, Т. П. Подшивалов. – М., 2012. – 279 с.
4. Пашин, В. М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* / В. М. Пашин // Актуальные проблемы гражданского права. – М., 2007. – С. 28–62.
5. Подшивалов, Т. П. Негаторный иск: дис. ... канд. юрид. наук / Т. П. Подшивалов. – Челябинск, 2011. – 197 с.
6. Подшивалов, Т. П. Негаторный иск и защита прав на недвижимое имущество / Т. П. Подшивалов // Закон. – 2011. – № 1. – С. 86–95.

DEFINITION, ATTRIBUTES AND FORMS OF ABUSE OF SUBJECTIVE CIVIL LAW

O. A. Ryapolova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the essence of abuse of law and its forms. The author analyzes the connection between abuse of law and realization and defense of civil rights, formulates her own definition of abuse of rights and defines its attributes. The forms of abuse of rights are described in this article and illustrated by the real cases. In addition, the author studies viewpoints of scientists about the definition of abuse of rights, its attributes and forms and gives arguments for and against these positions. The author concludes, that term «abuse of right» needs to be strictly adjusted, and offers to formalize its definition and attributes. He advises to formalize definitions and attributes for forms of abuse a right.

Keywords: realization of right, defense of right, abuse of right, chicanery, evasion of law, antimonopoly law.

References

1. *Grazhdanskoe pravo: v 3 t. T. 1* [Civil law: 3 volumes. Vol. 1, edited by Y. K. Tolstoy, A. P. Sergeev]. Moscow, 2005, 600 p.
2. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. 1* [Civil law: 4 volumes. Vol. 1, edited by E. A. Sukhanov]. Moscow, 2007, 290 p.
3. Novoselova A. A., Podshivalov T. P. *Veshhnye iski: problemy teorii i praktiki* [Real actions: problems of theory and practice]. Moscow, 2012, 279 p.
4. Pashin V. M. *Institut zloupotrebleniya subjektivnymi pravami* [Institute of abuse of subjective rights de lege ferenda]. Moscow, 2007, pp. 28–62.
5. Podshivalov T. P. *Negatornyj isk: dis. ... kand. jurid. nauk* [Negatory action: thesis... candidate of law sciences]. Chelyabinsk, 2011, 197 p.
6. Podshivalov, T. P. Negatornyj isk i zashhita prav na nedvizhimoe imushhestvo [Negatory action and protection of rights to immovable property]. *Zakon [Law]*, 2011, no 1, pp. 86–95.

Olga Andreevna Ryapolova – postgraduate student of Civil Law and Procedure Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: ryapolovaoa@gmail.com.

Received 24 January 2014.